

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. II

(желуница, жмылить, жаут, шквора, скрень)

желуница

Болезнь Боткина или желтуха имеет один очень характерный признак, при этом заболевании происходит разлитие желчи, и кожа приобретает желтый оттенок. Этот признак лег в основу наименований этого заболевания во многих языках. Ср. рус. *желтуха*, *желтунница*, *желтунища*, *желтяница*; блр. *жаўтачка*, *жаўтуха*; укр. *жовтяниця*, с.-хорв. *жутица*, разг. *златеница*; болг. *жълтеница*, диал. *жълтѣц*, *жълтица*, *жолтица*, *жѣтица*; словен. *zlaténica*; чеш. *žloutenka*, *žlútenicě*; словц. *žltenica*, *žltenka*, *žltačka*, *žltá nemoc*; франц. *jaunisse* и т. д.

В русском памятнике XVII в. *желтая болѣзнь* 'желтуха': Когда печень или селезенекъ засоритца и отъ того зарождаетца цынга или водяная или *желтая болѣзнь* (Мат. мед. 125. 1644 г. — СлРЯ XI—XVII вв., 5, 86).

Но помимо многочисленных образований от слова *желтый* в русском языке есть и другое название желтухи — *желунница*. Это слово зафиксировано в пермских, вятских, нижегородских говорах, а также в говорах Урала и Сибири: *желунница* 'желтуха' (Богораз, 51); *желунница* 'о чем-либо желтом' (нижегор.); 'болезнь желтуха' (амур., перм., свердл., тобол., краснояр., енис., иркут., якут., вят. — Филин 9, 120); *желунá*, *желунника*, *желунница* 'желтуха' (Сл. Урала I, 157); *желница* 'болезнь желтуха' (вят., нижегор., краснояр.); 'все, что имеет желтую окраску' (нижег. — Филин 9, 108); *желунница* 'гангрена, воспаление; желтуха' (Элиасов, 111).

Слово *желуница* не осталось без этимологической интерпретации. Зубатый связал его с названием дятла — *желна́* и далее с прилагательным *желтый*¹. На Зубатого ссылается Фасмер, по-видимому, считая эту этимологию верной (Фасмер II, 43)

Необходимость пересмотра данной этимологии возникла в связи с тем, что слово *желна́* получило иное и достаточно убедительное объяснение². Новые диалектные материалы также наталкивают на размышления. Так в «Словаре забайкальских говоров» *желунница* имеет значение 'воспаление, гангрена'. Это значение никак не может быть образовано от значения 'желтый' и вполне возможно, что оно является ключом к этимологическому решению.

С точки зрения словообразовательной структуры слово *желуница* аналогично слову *медуница*, это субстантивация прилагательного, образованного с помощью суфф. *-n-* от имен основ на *-ц-* (ср. *медъ* (-*ovi*) → *medu-nъ* → *medu-n-ica*). Прилагательное в форме женского рода мы имеем, это *желунá*, следовательно, должны предположить

существование имени *želъ, -*ovi*, значение которого следует установить.

Если мы предположим, что это имя означало цвет, то не было бы необходимости в образовании прилагательного.

Желтый цвет кожи при желтухе определяется разлитием желчи, в связи с этим такие названия желтухи, как нем. *Gallenkrankhe*, с.-хорв. *жу̀чница* 'желчный пузырь; желтуха'.

Мы имеем несколько праславянских названий желчи: *zblъcъ, *krq-ŭcъna, *jublъcъ. Большой интерес представляет пример из новгородских говоров: Убей ты его, достань ты у него *желъца* (Филин 9, 121). Предполагаемое значение 'желчь' или 'печень'. В данном случае исходное имя *želo, уменьш. *žельсе*.

Вернемся снова к примерам из словаря Элиасова: Захварал Прокоп *желуницей*. От *желуницы* вся нога покраснела. Вскоре от *желуницы* ему отрезали ногу; Зимой побродил и подхватил *желуницу*. От *желуницы* спастись не мог, пришлось одной ноги лишиться. (Элиасов, 114). Интерпретация слова не вызывает никаких сомнений, это гангрена или антонов огонь, как эту болезнь называли раньше. Это острый воспалительный процесс, наименование должно быть образовано по модели: 'гореть, жечь' → 'воспаление'.

Слова, обозначающие желчь, образуются по двум семантическим моделям: 'цвет (зеленый, желтый)' → 'желчь' (*zblъcъ, *Galle*, *χολή* и т. д.) и 'гореть' → 'желчь' (*jublъkъjъ → *jublъcъ*)³. Слова, обозначающие горечь, часто образуются по модели 'гореть' → 'горький' → 'горечь'.

Корень **žel-* в значении 'гореть' существовал в славянских языках и дал значительное количество производных⁴.

Следовательно, мы должны предположить, что от корня **žel-* 'гореть, жечь, палить' было образовано имя, склонявшееся по основам на -*и*-: *želъ, -*ovi* со значениями 'воспаление' и 'горечь', последнее значение дало производное 'желчь'. Имя прилагательное *želunъ, -*a*, -*o* означало 'желчный', а производное имя *želunica 'желчная болезнь' или 'желтуха'.

змѣлѣть

Среди многочисленных глаголов *змѣлѣть* выделяется один, употребляемый в профессиональном языке: *змѣлѣть кирпич* (у каменщиков) 'отесывать' (Даль³ IV, 1203); *змѣлѣть* 'резать' (Гоголь — Картоотека СРНГ).

Разрозненный материал производных образований можно попытаться объединить. *Змѣловатый* 'наклонный, срезанный под углом, поставленный под углом' (Куликовский 128); *назмѣл* 'верхняя часть стога в виде конуса' (Материалы Смоленского словаря, 142); *позмѣлой* 'покатый' (олон. — Светлов, 163); *зазмѣл* 'углубление, провал в скирде' (елец.); *в зазмѣл сбить*: Столом служила широкая сосновая *сбитая в зазмѣл* доска (олон.); *зазмѣливаться, зазмѣлиться* 'загибаться, прогибаться, провисать, опускаться, образуя впадину' (тул., влад.); *зазмѣлистый* 'с выступающей вперед верхней

частью, навислый' (южн. урал.); *захмылить*, -лю 'неудачно сложить верх у стога сена, соломы' (тамб.), 'засунуть, затерять что-либо' (кострм.); *захмылить* 'заострить конец чего-либо' (олон.) (Филин 11, 154—155).

Глагол *хмылять* значит 'хромать, ковылять' (Картотека Псковского областного словаря); по-видимому, к этому же глаголу примыкает белорусское диалектное слово *хамыліць* 'идти качаясь, приседая то на одну, то на другую ногу' (Народные слова, 127).

Значение термина каменщиков не совсем ясно: 'резать' или 'отесывать', т. е. 'выравнивать'; олонекский глагол дает точное значение 'заострить'. Имя *нахмыл* отглагольное, оно образовано от незасвидетельствованного глагола ***нахмылить* 'свести на конус, сделать скошенную поверхность'. Очень близок по значению и глагол *захмылить*. Псковский и белорусский глаголы *хмылять*, *хамыліць* значат 'ковылять, периодически наклоняться в одну сторону'.

Выявляется общее значение всего этимологического гнезда 'делать скошенную поверхность (срезая, отесывая, заостряя, загибая, укладывая)' → 'скос, срез' и 'наклоняться, двигаясь'.

Возможно, к этому же гнезду примыкает слово *хмыль* 'дрова из сукон' (Картотека Псковского областного словаря), т. е. 'кривые, неровные'.

Параллелизм форм **xmyliti* и **xamyeliti* говорит о том, что перед нами древняя экспрессивная приставка: *x-*, *xa-*, *xo-* из *sk-*, *ska-*, *sko-*. Ср. очень интересное слово *оскомылок* 'обмылок', 'человек маленького роста' (Калининск. словарь, 164). Подача значения слова наталкивает на ложную связь со словом *мыло*, на самом деле *оскомылок* это 'кусочек (чего бы то ни было)', ср. наименование человека маленького роста *куцый*, *кусий* < **kopsъjъ* того же корня, что и **kopsъ*.

Существительное *оскомылок* образовано от незасвидетельствованного глагола ***оскомылить* 'отрезать, отломить, откусить'.

Доказательством наличия экспрессивной приставки служит материал, связанный с другим глаголом *хмылиться* 'скалиться', ср. параллелизм таких форм, как блр. *хмыліцца* 'злиться, прикладывать уши к голове (про коней)' (могил. — Бялькевич, 475) и *омыляться* '(о лошади) приложив уши, оскаливая зубы, делать угрожающие движения головой' (Иркут. словарь II, 90); *обмыляться* 'сердясь, прижимать уши (о лошади)', 'смеяться, ухмыляться, показывая зубы' (Соликам. словарь, 376); *оскомылиться*, 'оскалиться' (олон. — Барсов I, XIII), т. е. **xmyliti*, **obmyeliti* и **obskomyeliti*.

К разбираемой группе слов несомненно относится и существительное *смыл* 'скос': У барана (бекаса) на *смыл* крылья идут, остричьки, как у кашушки (Брян. словарь 1, 30).

Итак, мы находим в восточнославянских языках остатки древнего этимологического гнезда глагола **(sko-, x-, xa-) +myliti* 'косить, кривить'.

В украинских говорах Полесья Н. В. Никончуком собран богатейший материал.

Одно из интересных слов, зафиксированных в украинском языке впервые, лексема *хаут*, обозначающая дерево с гнилой сердцевиной: *хаут, хавут, хавот, хават, хаввут, фавот* 'гниль в середине дерева; загнивание стержня дерева; лес с таким заболеванием'; *хавутні, хавутни, хаватні, хавотний, хавотні, хаветні, хаветний, хаввутни, фавутни* 'гнилой, трухлявый в середине (о дереве)' (Никончук 66—67). Это же слово мы встречаем и в белорусском языке на Мозырщине: *хаут* 'дерево с выгнившей серединой': От хороша хвоя, а ето *хаут*: дзіркі погнилі. *Хаутны* 'трухлявый': На хаціну *хаутна* дэравіна не йдзе (Живое слова, 275).

То же слово, но с иным значением, мы находим в пермских говорах русского языка: *хаут* 'дерево, разделанное на дрова': Деревину сшили, на ёлтыши разрежем — это у нас *хаут* зовут (Соликам. словарь, 661).

Очень близкое по форме, но неясное по значению слово мы встречаем в чешских говорах: *chaviscný* (?) (Tri dni, tri noci jeli po trni po *chaviscnym*) (Bartoš 116).

Исходная форма, определяемая материалом трех восточнославянских языков, *хаут*; производное прилагательное *хаутный*.

В восьмом выпуске «Этимологического словаря славянских языков» высказывается мысль, что слово *хаут* напоминает древнее нейотированное причастие (ЭССЯ 8, 23). Эту идею хотелось бы развить. Число древних нейотированных причастий, сохранившихся в субстантивированной форме, очень невелико. От глагола **r'uti, revq* → *re(v)qtъ* (*рѣум* 'большой колокол' с утратой *v* и переносом ударения на первый слог); **sluti, slovq* → *slovqtъ* (*Словѣт* 'молва' — Элиасов, 383; *Словѣтнич* — эпитет Днепра, *словѣтний* 'тот о ком идет слава, известный'); *pluti, plovoq* → *plovqtъ* (фамилия *Плаутин*); *mogti, mogq* → *mogqtъ* (*могут* 'силач, богатырь, великан, волог', *могутá* 'сила', *могутный, могутной* 'мощный, сильный, дюжий, крепкий, здоровый, богатый, знатный, властный' (Даль³ II, 873); **kosti, košq* → *košqtъ* (*кошутá* 'перхоть'); *terti, tьrq* → *tьrqtъ* и т. д.

Слово *хаут* восходит к **xavqtъ* (в интервокальной позиции утрачено *-v-*, ударение передвинулось на первый слог). На основании причастия мы можем реконструировать глагол — **xuti, xavq*.

Названия гнилого дерева в русском языке: *ситовое, трухлявое, гнилое*; в белорусском — *спарахнелы*. Реконструировать значение глагола трудно, но он должен означать процесс ломания, деления на мелкие части, превращения в труху.

Дополнительным аргументом, подтверждающим существование глагола **xuti, xavq*, является прилагательное **xutъkъjъ*, представленное в старопольском, словинско-кашубском, украинском и белорусских языках (ЭССЯ 8, 118). В основе прилагательного лежит страдательное причастие от того же глагола: **xuti* → *xutъ*, как **biti* → *bitъ*, **myti* → *mytъ* и т. д.

Значение прилагательного может быть объяснено аналогичной моделью: *rězati → *rězvъjь.

В основе глагола *xuti, *xavq* лежит индоевропейский корень **skēu-* 'резать' (Pokorny I, 954), точнее, его апофонический вариант **skōu-*.

шквора

Вторым названием дерева с гнилой сердцевиной в украинском Полесье, синонимом слова *xáut*, служит слово *шквора́* (Никончук, 67). Слово зарегистрировано впервые Никончуком, близких форм в говоре нет.

С точки зрения формы слово *шквора́* должно восходить к первоначальному *сквора с переходом *sk* → *šk* (этот процесс осуществлялся, по-видимому, до перехода *sk* → *x*). См. такие пары, как *скворец*, и *шкворец*, *скаредь* и блр. *шкарадзь*, блр. *сквяреться* и *шкверъцуца*, *скварка* и *шкварка*, *скребти* и *шкребти*, *скребло* и *шкребло*, *скоруна* и *шкоруна* и т. д.

Со словообразовательной точки зрения слово *шквора́*, как *нора́*, *дира́* и т. д., должно восходить к глагольной основе (*пърѣти* → *пора́* и гипотетическое **skvъrѣти → *skvora*). Глагол не зафиксирован.

Реконструировать значение глагола мы можем только на основании косвенных данных.

В славянских языках нам известно прилагательное *skvъrnъ. Если отбросить обширный круг значений, относящихся к духовной сфере, возникших книжным путем после принятия христианства, то исходным значением слов *skvъръ и *skvъrnъ, *-a*, *-o* является 'нечистота, грязь, гниль' и 'нечистый, грязный'. Рус. *скверна* ж., *сквер* м. 'нечистота, грязь и гниль, тление, мертвечина, извержение, кал' (вост. — Даль³ IV, 179); *сквер* 'дрянь, пакость' (яросл. — Мельниченко, 185); *сквер* 'дрянь, маленький человек' (влад. — Доп. к Опыту, 242); *скверь* 'скверное' (сиб. — Доп. к Опыту, 243); блр. *сквѣрня* 'нечистота'; *сквернявы́й* 'гадкий, грязный'; *Сквернявы́ми* руками берешься за хлеб (Носович, 581); чеш. *skvrna* 'пятно', с.-хорв. *сквѣрна* 'недостаток, порок, пятно', 'осквернение, поругание'.

Очень интересен приведенный у Даля под вопросом глагол *шкверѣ́ться* 'тайком, тихонько палить' (Даль³ IV, 1447), который может восходить к *skvъrѣти *sq*.

Итак, мы предполагаем, что реконструированный глагол **skvъrѣти, глагол *skvъrѣти *sq* и производные имена *skvora, *skvъръ, *skvъrnъ, *skvъrnъ, *-a*, *-o* образуют одно этимологическое гнездо.

Мы наблюдаем устойчивое употребление глагола *гни́ть* и прилагательного *гнилой* не только по отношению ко многим предметам органического мира, но и по отношению к организму человека: *зубы гнилые*, *кости гниют*, *он совсем гнилой* 'плохого здоровья' и т. д. Ср. еще укр. *пухля́* 'заболонь; гнилая древесина' и 'слабый, болезненный человек' (Никончук. Рефер. 28), рус. *дупля́стый* 'слабый, болезненный' (Мордов. словарь 2, 40).

Если мы предположим возможность развития такого же значения

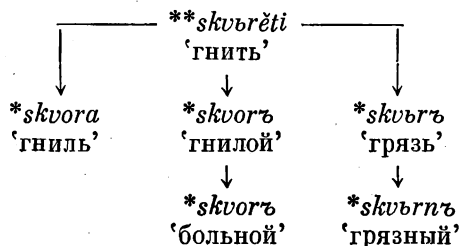
и для слова *шкворб*, то найдем подтверждение в русском диалектном *шкворѣха* 'женщина слабого здоровья' (псков. — Доп. к Опыту, 307).

Представляется естественным переход к этимологии праславянского прилагательного **xvorъ* 'больной'. Можно высказать предположение, что это прилагательное закономерно восходит к **skvorъ*.

Относительно происхождения прилагательного **xvorъ* существует несколько гипотез. Часть этимологов выводит **xvorъ* < *sjoro-* в нарушение фонетических закономерностей, относя эти нарушения за счет экспрессивного характера слова⁵; часть исследователей признает происхождение слова неясным; Брюкнер сближает *xворый* со *скверна* (Brückner 183). Последнюю гипотезу хотелось бы поддержать. Следует обратить внимание на то, что прилагательное **xvorъ* помимо значения 'больной' имеет еще значения 'плохой, гадкий, скверный' (полаб.); 'сломанный' (рус.), 'испорченный, неисправный' (чеш.). Эти значения могут служить доказательством, что значение 'больной' вторично, возникло как переносное на территории тех праславянских диалектов, которые впоследствии легли в основу западнославянских языков.

Широко представленный в южнославянских языках глагол **kvariti* 'портить' является каузативом в этом этимологическом гнезде. См. с.-хорв. *квѣрити* 'портить, ломать, наносить повреждение', *квѣр* 'порча; повреждение; ущерб', *квѣран* 'испорченный', 'попорченный', *квѣреж* 'порча, повреждение; испорченная вещь; гниль (о товаре)', словен. то же, болг. *кваря*, чеш., слвц. *kvárit'* то же; укр. закарп. *квар* 'беспокойство; тяжелая работа; напрасный, бессмысленный труд' и, что особенно важно, 'болезнь' (КДА, 147).

Итак, мы получаем большое этимологическое гнездо:

Возможно, что к этому же этимологическому гнезду примыкает и наименование плохой погоды. Ср. выражения: *погода испортилась*, *плохая погода*, *скверная погода* и т. д. Речь идет об укр. *сквіра* 'непогода, ветер, снег и дождь одновременно' (полес.) (Никончук. Рефер. 29); *шквіра* 'снег с ветром' (харьк. — Гринченко IV, 500); *сквира* то же (Гринченко IV, 133); *шквіра* 'метель' (Белецкий — Носенко, 399); *сквіра*, *сквіра* 'сильный дождь со шквалистым ветром' (полес. — Лисенко, 196); *сквірка* 'небольшая тучка, из которой идет дождь' (там же); рус. *шквіра* 'метель, вьюга' (кур., влад. — Доп. к Опыту, 307; Картоотека СРНГ).

Имя *skvira можно рассматривать как производное от глагола **skvirati; огласовка глагола представляет собою ступень продления относительно глагола *skvrěti.

скрень

В русских церковнославянских памятниках встречается слово *скрѣнь*, которое Фасмер считает неясным (Фасмер III, 657). Слово *скрѣнь* зафиксировано в древнем памятнике, Пандектах Антиоха (по списку XI в.); оно передает греч. *εὐτραπέλια*. На современный язык др.-греч. *εὐτραπέλια* переводится как 'остроумие, шутливость; балагурство, шутовство'. Помимо слова *скрѣнь* мы встречаем в памятниках целый ряд производных от него слов: прилагательные *скрѣньви* и *скрѣнливый* 'изменчивый, легкомысленный' (*εὐμεταβολος*). Выражение *скрѣньвь азыкомъ* в тексте библии комментируется как *шахавъ* или *превратень*, т. е. 'непостоянный, изменчивый'. Кроме того, мы имеем производный отыменный глагол *скрѣновати* 'пустословить' и производное имя *скрѣневание* 'шутка, кощунство'. Берында в своем Лексиконе приводит еще одно имя *скрѣньство*, которое он переводит как *хъхнаніе* 'поругание, насмешка' (Срезневский III, 393).

Итак, мы видим, что слово *скрѣнь* было достаточно активно в древнерусском языке и образовало целое этимологическое гнездо.

В современных восточнославянских языках следов этого гнезда как будто бы не осталось. Мы находим лишь один пример в фольклорном тексте, который нам напоминает древнерусское *скрѣнь*. Это текст из сказки: Еленушка плачет, сестры над ей *подскрывают*. . . 'подсмеиваются' (Словарь Оби. Доп. II, 93). Говоры, в которых записан текст, обские, т. е. говоры вторичного заселения, где мы наблюдаем черты разных говоров и разных восточнославянских языков. Если приведенный глагол сохраняет белорусское *р*-твердое, то можно предположить, что глагол *подскрывать* передает *подскринивать и непосредственно связан с древнерусским *скрѣнь*, но доказательств у нас нет. Важно то, что какие-то следы этого этимологического гнезда могут быть найдены.

Структура слова *скрѣнь* в древнерусском языке ясна. Остается выяснить семантическую модель, по которой образовывались слова с этим или близким значением. Помимо производных от глагола *смеяться* (*насмехаться*, *подсмеиваться*) и производных от слова *шут* (*шутить*, *подшучивать* и т. д.) мы имеем в русском языке ряд не абсолютных синонимов, но близких по значению слов: *скалится* (*скалить зубы*), *ощеляться*, *ощериваться*, *ухмыляться*, *осклабиться*, *скрылять*.

Выражение *скалить зубы* первоначально употреблялось по отношению к животным: 'раздвигая губы, обнажать, показывать зубы', что у животных означает угрозу. Переносно это выражение стало употребляться и по отношению к человеку: Ты чего зря *зубы скалишь*? Глагол *skaliti восходит к индоевропейскому корню **skel-* 'колоть'; он значит 'трескаться, образовывать трещину, щель',

в данном выражении образно 'образовывать щель между губами, обнажая зубы'. Выражение *скалить зубы* мы находим в украинском и белорусском языках. Производные сложные имена *зубоскал* и *скалозуб* значат 'насмешник'. В олонечких говорах *подскакалывать* 'говорить с иронией, подсмеиваться, подзадоривать' (Куликовский 86). Выражение *скалыты гоцы* в Полесье значит 'жмурить', *скалогобы* 'прищуренный', т. е. 'образовывать щелочки между веками' (Лексика Полесья, 67).

Глагол *ощелиться* употребляется в том же значении, что и глагол *скалить*: Воук на охотника *ощеліўся* (Добровольский 570); *выщелять зубы* — 'смеяться, хохотать' (Смоленск. словарь 2, 112).

Глагол *ощериться* синоним глагола *оскалиться* 'злиться, проявлять признаки злобы, обнажая зубы (о животных)' и переносно 'оскалить зубы, улыбаться, смеяться (о человеке)' (Мельниченко 140). Глагол *ощериться* восходит к праславянскому *obšceriti se, а последний в свою очередь к индоевропейскому корню *(s)*ker-* 'резать', т. е. в основе лежит та же семантическая модель: 'разрезать, раскалывать' → 'образовывать щель между губами'.

Тот же образ наблюдается и у глагола *ухмыляться*. В современном русском литературном языке глагол *ухмыляться* значит 'слегка самодовольно улыбаться, усмехаться'. По говорам этот глагол употребляется по отношению к животным, в частности, к лошади, когда она в состоянии ярости прижимает уши и оскаливает зубы. Ср. блр. *змьліць* 'выражать мордую ярость (о лошади)' (Носович 681); рус. «Конь *змывает*» (олон. — Куликовский 128). В «Этимологическом словаре славянских языков» говорится следующее: «Ясно видна вторичность значения 'улыбаться' < 'оскалиться, делать гримасу, хмуриться'» (ЭССЯ 8, 45).

Глагол *осклабиться*, считающийся в русском языке церковнославянизмом, на этимологическом уровне родственен древнеисландскому *skēlra* 'гримаса', буквально 'трещина'. Ср. еще укр. диал. *лупит зубы* 'оскалывать зубы' (полес. — Лисенко 117).

Примеры можно было бы умножить, но, думается, что семантическая модель выявляется четко: 'резать, колоть' → 'образовывать трещину, щель' → перен. 'образовывать щель между губами, обнажая зубы (о животном)' → перен. 'смеяться, насмехаться, усмехаться (о человеке)'. Ср. еще у Цветаевой: *Прорезь зари и ответной улыбки прорез*.

Таким образом, если мы предположим, что древнерусское слово *скрънь* образовано по той же семантической модели, может быть выдвинуто три гипотезы.

1. Праславянское слово *skrěň восходит к *(s)*krē-n-* к индоевропейскому корню *(s)*ker-* 'резать' с суффиксом *-n-*, непосредственно примыкающим к корню, ср. *dolnъ, *skornъ, *rěň, *sěň и др.

2. Слово *skrěň образовано от праславянского глагола *(s)*kriiti* 'резать' с чередованием в корне *-ei-/oi-*; ближайшая родственная форма *skridlъ с тем же значением. См. *скрылять* 'щепать, колоть' — (смол.) и *скрылять* 'насмехаться' (симб.) — (Опыт 206).

3. Третья гипотеза, которая представляется наиболее вероятной,

слово *skrěнь восходит к *skrětnь < *(s)*kroi-t-n-*, к тому же корню *(s)*ker-* 'резать', но с расширителем *-t-*. В этом случае ближайшим родственным словом будет древнерусский глагол *хрѣтитисѧ* с тем же значением 'насмехаться': Друзіи смѣяхуся, а друзіи хрѣтаахуся (alii ipsam ludibrio habentibus) (Жит. Андр. Юр. XXVIII 115); Повезъше его. . . , вожааху по граду, хрѣтающеся ему и бѣюще его по шѣи (там же VIII 67); . . . того ра[^] страха и любве не ругающе[^] ни досажающе ни хрѣтающе[^] ни в темницу всажающе. . . (Ф. Студ. XIV в., л. 22) (Срезневский III, 1407; Картотека СДР).

В «Этимологическом словаре славянских языков» (ЭССЯ 8, 98) глагол *xritati возводится к *skritati. Можно предположить отношения *skritati 'насмехаться' → *skrětnь 'шутка'.

Не исключено, что существовал и глагол *skrětati, ср. русское диалектное *скрѣтѣть* 'колоть, раскалывать на щепы' (калуж. — Опыт 205) и *скрянтѣть* 'чесаться' (пенз. — Опыт 206) со вставным экспрессивным *-н-*.

¹ *Zubatý J.* Slavische Etymologien. — AfsIph 16, 425.

² В. Махек сопоставил слово *žьlna с лит. *gilti* 'жалить' (*Махек* 2 729); И. П. Петлева связывает праслав. *žьlna с и.-е. **gelb-* 'долбить', см.: *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике. VI. — В кн.: Этимология. 1975. М., 1977, 48—49.

³ См. *Меркулова В. А.* Русские этимологии VI. — В кн.: Этимология. 1981. М., 1983.

⁴ *Петлева И. П.* Этимологические заметки по славянской лексике III. — В кн.: Этимология. 1973. М., 1975, 44—47.

⁵ Такова точка зрения Маценауэра, Бернекера, Траутмана, Микколы, Фасмера и др.

Р. М. Козлова

ОБРАЗОВАНИЕ С КОРНЕМ *(s)*kork-*/*(s)*korč-* В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

Словарные ресурсы национальных славянских языков далеко не исчерпаны для этимологизации славянской лексики, на что неоднократно указывалось в лингвистической литературе. Обращение к региональному материалу и тщательный анализ его с точки зрения фонетической, морфологической, семантической, словообразовательной структуры дает возможность выявить отдельные генетические гнезда, лишь частично описанные этимологами. Одно из них — гнездо *(s)*kork-*, восходящее к индоевропейскому *(s)*ker-* 'сгибать, крутить', расширенному детерминативом *-k-*. Как показывает обширный славянский материал, корень *(s)*kork-* реализовал себя в различных апофонических вариантах.

Рассматриваемый в работе лексический материал, возведенный нами к гнезду *(s)*kork-*, заслуживает особого внимания: одни образо-